

Дискуссия о методе римской юриспруденции: краткий очерк

Научный руководитель – Винник Вадим Юрьевич

Пестов Михаил Михайлович

Аспирант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия

E-mail: Pestov-2013@ya.ru

Метод юридической деятельности обсуждается столь же остро, как и её предмет. Характерно, однако, что даже отрицание существования у юриспруденции своего собственного предмета не снимает вопрос о том, каким образом юристы занимаются правом. Ответ на него растворяется в бурной дискуссии, в которой среди двух радикальных позиций, утверждающей и отрицающей уникальность юридического метода, образовалась целая гамма умеренных суждений [Stelmach, Brozek 2006. P. 1 - 17]. Цель нашего исследования - продемонстрировать, что споры о методе характерны не только для современной, но и римской юриспруденции.

Известно, что выработанные в римском праве институты легли в основу множества современных правовых порядков. Но можно ли то же самое говорить о юридическом методе? Очевидно, что разбор интеллектуального инструментария римских юристов требует реконструкции внешней культурной среды, в которой происходило развитие римской юриспруденции. Здесь мы вплотную подвигаемся к вопросу об эллинистическом влиянии на правовое понимание древних римлян. Естественно, что данный вопрос определяет весь дальнейший ход дискуссии: отрицание какой-либо взаимосвязи между греческой мыслью и римским правом позволяет говорить об автономности, а значит, и уникальности последнего. С другой стороны, признание культурного взаимообмена требует уточнения того, что именно было взято на вооружение римскими юристами при знакомстве с греческой интеллектуальной средой.

Рефлексия на тему своеобразия римской юриспруденции как культурного феномена, а не просто набора действовавших ранее правил - увлечение довольно новое. Вплоть до середины XX века ученые-романисты не слишком-то сильно занимали себя изучением науки римских юристов [Schulz 1946, P. 2 - 4]. Правда, биографические работы имели место уже в эпоху гуманизма. Но поскольку современники юрисконсульты Древнего Рима оставили о них весьма скудное количество сведений, всё это благое устремление встретило свою осень уже в начале XVIII столетия.

Вспышку интереса к специфике юридического мышления древних римлян, вероятно, можно объяснить естественной сменой научного тренда. Как известно, приблизительно с конца XIX века начинается охота за интерполяциями (die Interpolationenjagd), бросившая тень на подлинность многочисленных юридических текстов. Естественно, что это ведет к невозможности какого-либо прочного утверждения о римском праве, а вслед за ним и о фундаменте ряда современных частноправовых институтов. Выход был найден, подобно Декартовскому «*cogito ergo sum*»: само мышление легло в отстаивание подлинности ряда текстов.

Учитывая рамки настоящей работы, позволим себе привести мнения лишь тех ученых, имена которых несут в сноски почти всякого сочинения, посвященного изучаемой проблеме. Прежде всего, стоит отметить Фритца Шульца, провозгласившего глубочайшее влияние эллинизма на развитие римского права. По мнению ученого, главным вкладом

греческой культуры стала тенденция к систематизации нормативного материала, перенятая у стоиков и Аристотеля. Напротив, риторика была взята на вооружение лишь адвокатами, но не юрисконсультами [Schulz 1946, P. 62 - 77].

С прямо противоположным взглядом выступил Иоханн Стру, по убеждению которого ценность древнегреческой науки для римской культуры была незначительной, а устоявшееся представление о влиянии стоической диалектики затемняет подлинное понимание предмета [цит. по: Waldstein 1975, S. 28]. Цена подобного утверждения весьма значительна: говоря так, мы вынуждены лишить римских юристов инструментария, который кажется совершенно естественным для их коллег и наших современников: логики. Процесс выведения из общего правила нормы для конкретного случая путем сличения гипотез слишком уж глубоко лежит в сознании юриста, чтобы говорить об отсутствии такого процесса в работе римских юрисконсультов.

В этот момент на сцене появляется Теодор Фивег, автор известного трактата «Тописка и юриспруденция». Как видно из названия, ученый не отрицает влияния греческого наследия на римскую юриспруденцию. Но в её основу он кладет не логику, а топику как особое разветвление риторики. Указывая на неизбежные трудности, с какими сталкивается дедуктивный метод познания в праве, Фивег предлагает вместо в него простую, на первый взгляд, идею. Почему бы нам, - говорит автор, - не признать, что большая часть юридических правил вырабатывается в ходе дискурса с опорой на постулаты (топосы), разделяемые большинством сообщества? Именно из таких утверждений, по его мнению, юристы и черпают решения различных казусов.

Идея Фивега вызвала возражения у целого ряда авторов, среди которых для нас особенно важен Макс Казер. Последний поставил под сомнение то пространство, которое отвел Фивег для топики в римском праве. Нужно иметь в виду, - говорит нам Казер -, что акцент на конкретном деле характерен не только для топики, но и для индуктивных логических заключений. Кроме того, для юриспруденции совсем не обязательно, чтобы отдельные решения опирались на такие конвенциональные постулаты, что характерно и для римского права [Kaser 1962, S. 52 - 53].

Но что же тогда лежало в основе римского юридического метода? Ответ Макса Казера довольно лаконичен: интуиция. Под ней он понимает профессиональное чутье юрисконсультов, заключающееся в ощущении того, что подобранное для каждого конкретного случая решение является соответствующим как общим представлениям о справедливости, так и специальной юридической этике. Подобная способность к юридическому чутью предоставляется на основе опыта, позволявшему ощущать реальности жизни и отыскивать решения, соответствующие природе вещей и внутренней закономерности обсуждаемых вопросов.

Последующее развитие дискурса, с одной стороны, концентрируется на изучении фрагментов, в которых проявляется использование логического инструментария, а с другой, стремится связать данный инструментарий с профессиональным чутьем римских юристов. Среди различных мнений примечательно мнение Вольфганга Вальдштайна, что использование логики римскими юристами имело целью лишь обоснование, но не поиск правильного решения, основой которого являлось непосредственное восприятие познаваемого материала [Waldstein 1975 S. 56 - 58].

Источники и литература

- 1) Kaser M. Zur Methode der römischen Rechtsfindung. Göttingen, 1962
- 2) Schulz F. History of Roman Legal Science. Oxford, 1946
- 3) Stelmach J., Brozek B. Methods of legal reasoning. Dordrecht, 2006

- 4) Waldstein W. Konsequenz als Argument klassischer Juristen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung Bd. 92 (1975) S. 26 – 68